

О времени и о себе

Простые истины
Дмитрия Медведева

«Должности приходят и уходят, но в любой ситуации нужно оставаться нормальным современным человеком», — считает первый заместитель председателя правительства России Дмитрий Медведев, который ответил на многочисленные вопросы журналистов различных средств массовой информации, в том числе и журналистов «Всеволожских вестей» во время визита в наш район. На основании этих интервью подготовлен материал для наших читателей.

— Похоже, в России не только от тюрьмы и от сумы, но и от президентства зарекается нельзя. Знающие люди давно твердили: сидеть вам, Дмитрий Анатольевич, в высоких кремлевских палатах, а вы все отнекивались, мол, мне и с нацпроектами интересно...

— Прочитанная вами русская пословица точна. Она квинтэссенция народной мудрости: в нашей жизни лучше ни от чего не зарекаться. Хотя я не лукавил, говоря, что не примеряю на себя должность главы государства. Да, каждый человек, выбирая путь в жизни, обязан видеть конечную цель. Карьера — та же дорога. Лейтенант думает о маршальском жезле, а избравший административно-политическую стезю стремится максимально высоко подняться по служебной лестнице. Но это линейная схема, действительность куда сложнее. Переезжая в 1999 году в Москву, я не мог и предположить, что через восемь лет буду баллотироваться на пост президента.

— Когда это слово впервые прозвучало применительно к вам?

— Все прояснилось в минувшем декабре после консультаций с лидерами ведущих политических партий и моего глубокого и детального общения с Владимиром Путиным. То, чем я занимался в кремлевской администрации до ноября 2005 года, вполне укладывалось в схему закрытой, непубличной деятельности. В Белом доме круг моих обязанностей изменился. Все мы немного самонадеянны, вот и я считал себя человеком, подготовленным к любой работе, поскольку успел попробовать силы в науке, бизнесе, правовой практике, на госслужбе. Однако новый опыт не шел ни в какое сравнение с прежним. Президент верно предупредил: «Даже не представляешь, насколько изменится твой угол зрения». Так и получилось.

— Сомневались, потянете ли воз?

— Конечно. Думал об этом с самого приезда в Москву. В Петербурге остались интересная работа, успешный бизнес, налаженный быт, я занимался правом и ощущал себя состоявшимся профессионалом. В столице же ждало полное неведение. Правда, мне понадобилось совсем немного времени, чтобы понять: новое дело особенное, масштаб совершенно иной! У госслужбы немало недостатков и ограничений, но есть одно, зато неоспоримое достоинство. Сознание, что принимаемые тобой решения могут повлиять на жизнь миллионов людей, заставляет иначе оценивать каждый сделанный шаг и произнесенное слово. Повторяю, другая мера ответственности и — соответственно — степень самореализации. Даже в очень крупном бизнесе подобного нет. Тем более что после выборов 2000 года к работе в Кремле добавился «Газпром», где мне, корпоративному юристу, было чрезвычайно интересно. Словом, я быстро убедился в правильности сделанного выбора.

— Как отнеслась к вашему выбору Светлана Владимировна?

— Сказал, что поступило интересное предложение из Москвы. Она лишь попросила хорошенько все обдумать.

— Расскажите о своей семье, о истоках...

— Жена Светлана окончила Финансово-экономический институт имени Вознесенского в Петербурге, трудилась экономистом в разных местах, потом ушла в декретный отпуск, родила Илью...

— Сколько лет вы уже вместе?

— Знакомы с седьмого класса. В 305-й школе Ленинграда мы отучились все десять лет. Воспоминания о тех годах храню очень хорошие, светлые, теплые.

Жили в Купчино, это была свежая новостройка, современный жилой микрорайон. Отцу, преподававшему в Технологическом институте имени Ленсовета, дали ордер на чуть улучшенную версию хрущевки с маленькой кухней. Общая площадь составляла метров сорок. Немного, прямо скажем. Там я прожил почти тридцать лет, умудрился даже написать диплом с кандидатской диссертацией и не чувствовал себя сколь-нибудь угнетенно или стесненно. Потом уже купил свою первую квартиру. Это была «трешка» в Московском районе. Помню, счастье испытал невероятное, ни с чем не сравнимое...

— О родне расскажите подробнее.

— Являюсь горожанином в третьем поколении, а вот мои деды и бабки жили в селе. Афанасий Федорович Медведев до революции был крестьянином, а потом сделал партийную карьеру средней руки, работал в райкоме и Краснодарском крайкоме КПСС. Надежда Васильевна, бабушка по отцовской линии, родилась в семье питерского рабочего. В революцию её родные умерли, и судьба забросила сироту в Курскую область, где она познакомилась с будущим мужем. В 17 лет повенчалась и счастливо пробыла в браке до глубокой старости, родила четверых детей, из которых выжили двое — мой отец и его сестра. Папы в возрасте 77 лет не стало, а тетя до сих пор здравствует, проживает в Краснодаре.

Матушкины родственники происходили из Белгородской губернии и носили, что называется, говорящие фамилии. Деда звали Вениамином Сергеевичем Шапошниковым, его отец и — соответственно — мой прадед был скорняком, шил шапки. Второй прадед, Василий Александрович Ковалев, работал кузнецом. Бабушка Мелания Васильевна была, по сути, домохозяйкой, занималась семьей, растила дочерей, хотя и получила высшее экономическое образование.

Мама родилась в городе Алексеевке Белгородской области, после школы вместе с сестрой Леной поступила на филологический факультет Воронежского университета. Обе получили дипломы с отличием, но дальнейшая карьера у них как-то не заладилась. Мама поехала в Ленинград в аспирантуру, где и встретила моего отца, который к тому моменту успел защититься и работал в Технологическом институте.

У папы была комната в коммуналке на Лиговке, там родители и жили первое время. Потом на свет появился я. Потом мама преподавала русский язык как иностранный в Инсти-

туте имени Герцена, была учителем в школе и даже экскурсоводом в Павловском дворце. Помню, маленьким слушал ее рассказы об истории России и гордился ею. Вообще же я рос дворовым ребенком и массу времени проводил на улице.

— Со всеми вытекающими последствиями?

— Ничего криминального, обычные мальчишеские забавы. Вырастая, дети начинают повторять родителей. Жена порой упрекает меня за излишне либеральные методы воспитания сына. Отвечаю, что тоже рос, не зная строгих наказаний. Максимум — могли поставить в угол лет до семи... Родители научили меня отвечать за дела и поступки, честно служить делу, которое выбрал, привили любовь к чтению. У отца была огромная библиотека научно-технической литературы, среди которой островком выделялись художественные книги и десяти томник Малой советской энциклопедии. Его я, помнится, и принимался штудировать классе в третьем.

Затем появился спорт. Гребля на байдарке-одиночке. Хотя не скажу, будто добился колоссальных успехов. Физически окреп — да. Поначалу не мог двух раз подтянуться на турнике, а потом даже стал чемпионом школы в этом упражнении. После гребли была легкая атлетика, в университете переключился на тяжелую. Не ради рекордов, а чтобы поддерживать форму и получить зачет по физкультуре.

Отец продолжал преподавать почти до 70 лет, был с головой погружен в науку. Выйдя на пенсию, жил с мамой все в той же квартире в Купчино, которую получил в 1968 году. Я убедил родителей перебраться ко мне в Москву, здесь с папой случился еще один

инфаркт, и в 2004-м он умер. Считаю, у отца была счастливая жизнь: он реализовался в профессии, гордился моими успехами. Что может быть важнее для родителей?... После ухода папы я не отпустил маму обратно в Петербург, сейчас она живет неподалеку от меня.

Родители Светланы остаются в Питере. Ее девичья фамилия Линник. Спасибо братской Украине, где на Полтавщине вырос мой тесть. Так что ни я, ни жена не можем козырнуть голубыми кровями.

— Как вы выбрали профессию? Юристом с детства быть мечтали?

— В школе мне нравилась химия, отец предлагал поступать к нему в Технологический институт. Но я решил пойти в юридический. Я даже полгода ходил на курсы в Военно-механический институт, подтягивал математику с физикой. Честно говоря, перспективы меня не особо впечатляли. Потом стал думать: не пойти ли по материнским стопам? Колебался между филологическим и юридическим факультетами. В итоге склонился в пользу последнего.

Школу я окончил в 16 лет и стал студентом юрфака. На третьем курсе понял, что тяготею к гражданскому праву. У меня была повышенная стипендия, учился я хорошо, без экстремальных синусоид. Но денег все равно не хватало. Летом пахал в стройотряде. Когда начиналась учеба, оформлялся куда-нибудь дворником. Одно время мел территорию вокруг кинотеатра «Прибой». Классное занятие! Встаешь пораньше, едешь из Купчино на Васильевский, берешь метлу или зимой лопату, делаешь полноценную физзарядку и к девяти утра приходишь на занятия. У меня оставалось время и на общественную работу, я входил в

комитет комсомола факультета, а потом и ЛГУ. Не относился к этому как к нагрузке, получал удовольствие.

— А армия? С этим как?

— Студентом я стал до достижения призывного возраста. В университете была военная кафедра, где мы приобрели звание лейтенанта и произвели в командиры огневого взвода артиллерии. Срочная служба не пугала меня, но я хотел учиться. После окончания юрфака мне и еще двум ребятам предложили места в целевой аспирантуре, что гарантировало работу в университете после защиты диссертации.

— А правда, что вы крестились в зрелом возрасте?

— В двадцать три года. Решение принимал сам. Таинство проходило в одном из центральных соборов Петербурга, я был вместе с товарищем. С тех пор считаю, для меня началась другая жизнь... Тут предлагаю поставить точку, вопрос слишком личный, чтобы углубляться в детали.

— Вы вообще производите впечатление весьма закрытого человека.

— Правда? Впрочем, знаю, почему так происходит. У меня юридический склад мышления, который имеет и плюсы, и минусы. Достоинство заключается в умении правильно формулировать цели. Это помогает при принятии решений. Недостаток же состоит в том, что зачастую я говорю и объясняю более точно, чем порой нужно. Из-за этого возникает ощущение, будто перед вами сухарь, застегнутый на все пуговицы.

— Значит, имиджмейкеры и стилисты плохо работают.

— В моем окружении нет таких штатных единиц. И не было. Наверное, это плохо, но что есть, то есть.

— Сегодня юристы в фаворе. Скоро и новый праздник появится — День юриста. Хорошо бы, он помог построению правового государства.

— Согласен, для преодоления мешающего стране гармонично развиваться правового нигилизма требуется долгая и серьезная работа. Оказалось, создать дееспособную модель рыночной экономики гораздо проще, чем заложить основы государства, живущего в уважении к букве закона. Это лишняя демонстрация тезиса, что демократия не может возникнуть на ровном месте за два или три года. Нужен кропотливый, последовательный труд по совершенствованию правовой и политической системы. Конечно, нельзя забывать и о российской специфике. Понимаете, право всегда опирается на принудительный механизм реализации, некую государственную дубину. Но если при этом оно не стоит на фундаменте моральных императивов, не базируется на внутренних убеждениях и принципах нравственности, уповает лишь на грубую мощь карательной машины, то созданная конструкция будет ущербна и малоэффективна.

В девятнадцатом веке у не самого совершенного, но все же развитого российского государства был набор нравственно-религиозных ценностей. В двадцатом столетии вторая часть этой составляющей ушла, народ лишили веры в Бога, государство принялось демонстрировать либо голое принуждение, временами — исключительно жестокое, или показывало полную слабость и несостоятельность. И то и другое одинаково плохо. Все мы помним, чем обернулись известные доктрины 30—40-х годов, когда заговорили о классовой диктатуре и презумпции виновности в уголовном процессе. Это позволяло решать тактические задачи, но в долгосрочной перспективе заложило мину под идею существования советского государства. Право надо чувствовать, принимать добровольно, а не бездумно и покорно ему подчиняться. Взрыв был неизбежен, он случился бы рано или поздно. Люди бросились в другую крайность, став системно нарушать законы. Именно это и произошло в 90-е годы.